

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Эта первая книга излагает вкратце главный предмет — непослушание человека и потерю вследствие этого Рая, в котором он жил; затем она касается первой причины его падения — змеи или, точнее, Сатаны в образе змеи. Сатана, восстав против Бога и привлекая на свою сторону многие легионы Ангелов, был по повелению Божию низвержен, со всею своей ордой, с Небес в глубокую бездну. Не вдаваясь в описание этого события, поэма быстро переходит к главному действию, изображая Сатану и его Ангелов в Аду, который описывается здесь лежащим не в центре Земли (так как предполагается, что небо и Земля еще не созданы и, конечно, еще не прокляты), а в месте величайшей тьмы, которое лучше всего назвать Хаосом. Здесь Сатана с его Ангелами лежат в пылающем озере, пораженные и оглушенные громом. Через некоторое время он оправляется от своего смущения и обращается к лежащему около него Ангелу, который по чину и достоинству ближе к нему, чем все прочие; они беседуют о своем жалком падении. Сатана пробуждает все свои легионы, которые все еще лежат в беспмятстве. Они встают. Описывается их численность, боевое вооружение; поименовываются их главные вожди, соответствующие идолам, которые впоследствии почитались в Ханаане и соседних странах. Сатана обращается к ним с речью, утешает их надеждой на завладение Небесами снова и в заключение говорит о новом мире и предполагаемом новом роде созданий, согласно древнему пророчеству и рассказам, бытующим на Небесах (дело в том, что, по мнению многих древних Отцов Церкви, Ангелы существовали задолго до появления видимых созданий). Для исследования истинности этого пророчества и для принятия решения, что

следует делать ввиду этого, Сатана предлагает собрать великий совет. Его сообщники принимают предложение. Возникает из бездны Пандемониум, дворец Сатаны, внезапно построенный его слугами, и адские вельможи держат в нем свой совет.

О первом непокорстве человека,
О запрещенном древе, о плоде,
Которого смертельное вкушенье
Смерть в мир внесло и с ней все наше горе,
С утратою Эдема, до поры,
Когда он Величайшим Человеком
Нам будет возвращен, когда мы будем
Вновь обладать обителью блаженства, —
Об этом всем поведай песню, Муза
Небесная, которую когда-то
Был вдохновлен с таинственных высот
Хорива иль Синая древний пастырь,
Избраннику-народу рассказавший
О первых днях, как Небо и Земля
Возникли из Хаоса! Иль, быть может,
Живешь ты на Сионской высоте,
Иль обитаешь там, где Силоамский
Ручей течет у Трона Божества;
Где б ни витала ты, я призываю
Тебя помочь моей отважной песне,
Полет которой гордо воспарит
Превыше гор Аонии, касаясь
Предметов, не достигнутых поднесь
Ни прозою, ни звучными стихами.

И Ты первой всего, Ты, Вышний Дух,
Который сердце чистое всем храмам
Предпочитаешь, — Ты меня наставь!

Ты знаешь все; в начале всех начал
Ты был; подобно матери-голубке,
Над выводком любовно распростершей
Лелеющие крылья, реял Ты,
Творя миры, над бездной бесконечной!
О, просвети все, что во мне темно;
Что низко, то возвысь, чтоб я, достигнув
Вершины долгой повести моей,
Мог подтвердить всю Промысла премудрость,
Пути Его раскрыть перед людьми.
Поведай — ибо ни в эфире Неба,
Ни в бесконечной Ада глубине
Ничто от взора Твоего не скрыто, —
Поведай о причине, побудившей
Великих прародителей, блаженством
Столь взысканных, любимых Небесами,
Поставленных владыками в сем мире, —
Внезапно от Создателя отпасть
И преступить запрет — запрет единый!
Кто их вовлек в постыдный тот мятеж?
То Адский Змий был; то его обман
Мать рода человеческого лестью
Пленил, когда за гордость он свою
Со всей толпою Ангелов мятежных
Низвергнут был с Небес. На помощь их
Надеясь твердо, он мечтал, став выше
Князей своих, сравниться со Всевышним,
Противостав Ему; честолюбиво
Поставив целью Трон и Царство Бога,
Повел он нечестивую войну
На Небесах и в бой вступил надменно.
Но тщетно он пытался! Всемогущий
Низверг его во пламени стремглав,
Разбитого, сожженного ужасно,
С высот Небес в бездонную погибель,

Чтоб там лежал в алмазных он цепях,
Терзался бы в огне неугасимом
За то, что вызвал Вышнего на бой.

И девять раз уже сменилось время,
Которым смертный мерит день и ночь,
Как он со всею ратью побежденной
Лежал, вращаясь в пламенной пучине,
Сражен и уничтожен, хоть бессмертен.
Но худший суд еще был впереди:
И мыслью об утраченном блаженстве
Терзался он, и болью страшных мук.
Вокруг себя водил он взор свой мрачный,
В котором отражалось униженье
Глубокое, но вместе с тем и гордость
Упрямая, и ненависть была;
И сколько взор охватывал бессмертный,
Он видел вокруг лишь дикую пустыню,
Со всех сторон лишь страшную тюрьму,
Пылавшую огнем, громадной печи
Подобно; но огонь тот был без света, —
Он порождал лишь видимую тьму,
В которой лишь возможно было видеть
Картины горя, области печали
И скорбной ночи — край, где никогда
Ни мира, ни покоя, ни надежды,
Повсюду проникающей, не будет,
Где лишь царит мученье без конца
И огненный поток, который серой,
Горящей вечно и неистощимой,
Питается. Таков был тот приют,
Который был мятежным уготован
Предвечной справедливостью, — темница
Отведена в удел им в крайнем мраке,
Который от небесного сиянья

И Бога трижды столько удален,
Как полюс отстоит от центра мира!
О, как несходно это место с тем,
Отколь они низвергнуты! И вскоре
В волнах огня крутящихся он видит
Вокруг себя собратий по паденью
И узнаёт, что, корчась, рядом с ним
Лежит один, к нему из всех ближайший
По чину и по преступленью, — тот,
Который был известен в Палестине
Впоследствии и звался Вельзевулом.
К нему-то обратился Архивраг,
(На небе имя Сатаны стяжавший),
Прервав молчанье страшное вокруг,
С такою речью, дерзкой и надменной:

«Ужели это ты? О, как ты пал!
Как страшно изменился ты, который
Сияньем ослепительным своим
Превосходил в блаженном царстве света
Других, сиявших ярко, мириады!
Ты ль это, кто соединен со мной
Союзом, мыслью, планами, надеждой,
Отвагой в нашем славном предприятии,
А ныне — униженьем и бедой!
Теперь ты видишь сам, в какую пропасть
С высот Небес низвергнул нас Сильнейший
Своим ужасным громом; но дотоле
Кто ж знал всю силу этого оружия
Жестокого? Однако ж ни оттого,
Что пали мы, ни оттого, что далее
Еще способен причинить нам в гневе
Могучий победитель наш, нисколько
Я не расскаюсь и не изменюсь,
Хотя б мой внешний образ изменился.

Я сохраню навек всю твердость мысли
И гордое презренье в оскорбленном
Достоинстве моем; я буду тверд
Во всем, что мне служило побуждением,
Чтоб против Всемогущего восстать,
Что привело бесчисленные рати
Вооруженных Духов к состязанью
Отважному. Дерзнули эти Духи
Власть Вышнего открыто не одобрить
И, предпочтя иметь вождем меня,
Противостав великой силе силой,
В сомнительном бою в равнинах Неба
Поколебали Трон Его. Пускай
Мы потеряли эту битву — что же?
Не все еще потеряно: есть воля
Несокрушимая, есть жажда мести,
И ненависть бессмертная, и храбрость,
Которая вовек не подчинится
И не уступит никому, — и мало ль,
Что есть неодолимого у нас?
И эту нашу славу не исторгнет
Ни ярость, ни могущество Его.
Склонить главу, молить о милосердии,
Став на колена, и боготворить
Владычество Его — Того, Который
Недавно сам в той власти усомнился
Из страха перед нами, — это было б
Действительно позорно; это было б
Бесславьем и стыдом гораздо худшим
Всего паденья нашего. Судьба
Велела, чтоб богов святая сила
И сущность их небесная была
Неистребима; ныне мы имеем
И опыт, нам доставленный событьем
Великим тем; оружием не слабее,
Лишь осторожней стали мы теперь;

Тем с большею надеждою мы можем
Отважиться на вечную войну,
Решить ее иль силой, иль коварством,
Не примирясь с врагом великим нашим,
Хотя и торжествует ныне Он
И, предаваясь радости великой,
Царит один над небом, как тиран».

Так говорил отступник-Ангел, громко
Хвалясь средь мук, хотя его внутри
Глубокое отчаянье терзало.
Ему собрат отважный отвечал:

«О Князь, о вождь князей могучих многих,
Которые, ведомые тобой,
Вели на битву войско Серафимов
Вооруженных! Грозными делами,
Бесстрашные, поставили они
В опасность царство Вечного Владыки;
Не побоялись испытать, на чем
Основано его все превосходство —
На силе, или счастье, иль судьбе.
Я слишком вижу, слишком сожалею,
Как горестен исход попытки нашей,
Какое понесли мы поражение,
Какой удар позорный нас лишил
Небес и наши доблестные рати
В ужасном разрушении низложил!
Погибли мы, насколько могут боги
И существа небесные погибнуть;
Останутся, конечно, ум и дух
Непобедимы, сила вновь вернется,
Хотя потухла слава и блаженство
Поглощено безмерною бедой;
Но я боюсь, чтоб Он, наш победитель
(Его готов всесильным я считать

Затем, что лишь всеильный был способен
Такие силы одолеть, как наши), —
Чтоб не оставил Он нам дух и силу
Лишь для того, чтоб мы сильнее страдали
И муки наши тяжкие несли
В угоду гневной мести; чтоб, по праву
Войны, Ему рабами были мы,
Служили б больше прежнего, свершая
Его веленья в самом сердце Ада,
Его желанья — в этой бездне тьмы!
Тогда что пользы, если наша сила
Не меньше стала, наше бытие
Все так же вечно — лишь для вечной муки?»

Ему ответил быстро Архивраг:

«О падший Херувим! Кто слаб, тот жалок,
Страдает он иль действует; но знай —
Теперь для нас одно лишь несомненно:
Добра творить не будем мы вовек;
Творить лишь Зло — все наше утешенье,
Затем что этим мы противостанем
Высокой воле нашего врага.
Как только пожелает Провиденье
Из Зла, от нас идущего, создать
Добро, мы силы все свои приложим,
Чтоб эту цель благую извратить
И в самом благе отыскать возможность
Дурного. Если это будет часто
Нам удаваться, может быть, Его
Мы огорчим; быть может, помешаем
Свершению взлелеянных Им планов.
Но посмотри: наш грозный Победитель
Послушных слуг возмездья и погони
Уж отозвал назад к вратам Небес;
Град серный, вслед нам сыпавшийся бурно,

Уж перестал, и пламенные волны
Пучины, нас приявшей при паденьи
С Небес, уж улеглись, и страшный гром,
Крылами красных молний нас разивший,
Быть может, стрелы все свои истратил
И бушевать уже перестает
Среди громадной бесконечной бездны.
Воспользуемся случаем, который
Дает нам враг — быть может, из презренья.
А может быть, уж свой насытив гнев.
Ты видишь эту страшную равнину,
Пустынную и дикую, жилище
Отчаянья, в которой света нет,
Коль не считать сверканья синеватых
Огней, дающих бледный, грозный отблеск?
Пойдем туда, уйдем от колебанья
Волн пламенных — там отдохнем немного,
Насколько здесь нам отдых и покой
Возможен; там, собрав все наши силы,
Обдумаем, что сделать можем мы,
Чтоб отомстить врагу как можно больше;
Как наши все потери возместить
Иль перенести жестокое несчастье,
В надежде силы новые найти
Иль почерпнуть в отчаянии решимость».

Так Сатана к ближайшему собрату
Вел речь, главу из пламени подняя;
Глаза его метали искры, тело ж
В волнах огня на много десятин,
Чудовищно громадно, простиралось,
Подобно исполинам древних мифов —
Сынам земли, титанам, воевавшим
С Юпитером, или Бриарею, иль
Тифону, что в пещере укрывался
В соседстве Тарса древнего, иль чуду

Морскому, что зовут Левиафаном,
Которое всех прочих Божьих тварей,
Что в океане плавают, громадней.
Когда вблизи норвежских берегов,
Так повествуют моряки, он дремлет,
Порою штурман маленького судна,
Крушение потерпевшего в ту ночь,
Его за остров примет в полумраке,
В чешуйчатую кожу якорь бросит
И к стороне подветренной пристанет,
Чтоб переждать, пока все море мгла
Покрыла, день желанный отдаляя.
Так точно Архивраг лежал, простертый
Во всю свою громадную длину,
К пылающему озеру прикован;
И никогда б не поднял он главу,
Не встал бы, если б не соизволение
Небесной воли, правящей всем миром,
Которое его освободило
Для мрачных, злобных замыслов его,
Чтоб он, возобновив свои злодейства,
Свое лишь осуждение усугубил,
Чтоб он, стараясь Зло принести другим,
Лишь к своему же бешенству узрел бы,
Что все его коварство послужило
Лишь к проявлению благости безмерной,
Любви и милосердия к человеку,
Им соблазненному; а на него
Втройне излился б дождь смущенья, гнева
И мести. Вот во весь он рост встает
Из озера, по сторонам стекает
Спиральными с него струями пламя,
И волны раздвигаются, оставив
В середине яму страшную; а он,
Расправив крылья, свой полет могучий
Ввысь устремляет, в темный воздух, ныне

Впервые эту чувствующий тяжесть,
И наконец становится на сушу,
Насколько можно сушею назвать
То, что всегда сухим огнем пылает,
Как озеро огнем пылало жидким.
А цвет той суши был таков, как будто
Подземным вихрем от Пелора холм
Оторван был иль от гремящей Этны
Бок откололся и открылась разом
Вся внутренность горячая ее
И вдруг, воспламенясь с ужасным взрывом,
Парами минеральными взвилась
И вихрем обожженную пещеру
Покинула, оставив дым и смрад.
Такую-то нашла себе опору
Проклятая нога. За ним вослед
Вступил сюда его собрат ближайший,
И оба тем гордились они,
Как будто волн Стигийских избежали
Они, как боги, собственною силой,
Не попущеньем Вышней Силы Сил.

«Ужели эта область, эта почва, —
Сказал Архангел падший, — будет нам
Жилищем вместо Неба, мрак плачевный
Заменил нам сияние Небес?
Пусть будет так: кто ныне воцарился,
Тот всем располагает; от Него
Зависит, что считаться будет правом.
Чем дальше от Него, тем лучше; ум
Имеет Он нам равный; только сила
Поставила Его превыше равных.
Простите же, блаженные поля,
Где радость вечно царствует! Привет вам,
О ужасы, привет, о Адский мир!
Прими, бездонный Ад, прими отныне

Ты нового Владыку своего!
В себе он носит дух, не изменимый
Ни временем, ни местом; этот дух —
Себе сам место: Небо может Адом
Соделать он, Ад — в Небо превратить.
Не все ль равно, где быть, когда все тот же
Я сам — таков, каким я должен быть,
Слабее лишь Того, Кто стал сильнее
Благодаря лишь грому своему?
Что ж, здесь, по крайней мере, мы свободны;
Не столь прекрасным сделал это место
Всесильный, чтоб завидовал Он нам,
И, верно, нас отсюда не прогонит;
Здесь царствовать спокойно будем мы,
А царствовать, по мне, для честолюбья
Достойная есть цель, хотя б в Аду:
Царем в Аду быть лучше, чем слугою
На Небесах. Но что же медлим мы?
Зачем друзьям нелицемерным нашим,
Союзникам, делящим наш урон,
Даем лежать мы в озере забвенья
В оцепененьи, не зовем их встать,
Чтоб разделить в печальном сем жилище
Удел наш, иль еще раз испытать,
Собрав все силы, что вернуть могли бы
Мы в Небе или потерять в Аду?»

Так Сатана промолвил; Вельзевул же
Сказал ему: «О Вождь блестящих войск,
Которых мог осилить лишь Всесильный!
Едва они услышат голос твой,
Любимейший для них залог надежды
В опасности и страхе, столько раз
Им в крайности звучавший, в буре битвы
И на краю гибели вернейший
Сигнал во всех атаках, — вмиг они

Все оживут, к ним мужество вернется,
Хотя теперь лежат они все ниц,
В том озере горящем пресмыкаясь,
Как мы с тобой лежали, смущены,
Оглушены; и странного нет в этом:
С такой они упали высоты!»

Едва окончил он, как Враг верховный
Уж к берегу пошел; тяжелый щит
Эфирной ткани, круглый и массивный,
Висел за ним; широкая окружность
Была подобна месяцу, когда
Мы смотрим на него в трубу, подобно
Тосканскому искуснику, который
Рассматривал луну по вечерам
С высот Фьезолы или из Вальдарно,
Надеясь на ее пятнистом шаре
Увидеть страны новые, иль реки,
Иль горы. Сатана держал в руках
Копье свое, в сравнении с которым
И самая высокая сосна
Из тех, что рубят на горах норвежских
Для адмиральских кораблей, могла б
Тростинкой показаться. Опираясь
На то копьё, неверными шагами
Он по горячей почве шел — не так,
Как по небесной он шагал лазури!
Горячий воздух, вокруг огнистым сводом
Нависший, жег болезненно его,
Но он, терпя ту боль, дошел до края
Пучины пламенеющей и, став,
Воззвал к своим сраженным легионам,
К тем ангельским телам, что там лежали
Слоями, листьям осени подобно,
Которые на речках Валамбросы
Ложатся, опадая с темных сводов

Дерев этрусских, или как тростник,
Раскиданный и плавающий в море,
Когда могучим ветром Орион
Прибрежье моря Красного взволнует,
Чьи воды потопили в оны дни
Бузириса и всадников Мемфисских,
Что в вероломной злобе понеслись
Вслед жителям Гесема, безопасно
Смотревшим с высоты береговой
На всплывшие их трупы и колеса
Разломанных волнами колесниц.
Так рать его, раскидана, покрыла
Все озеро; лежат они, дивясь
Постигшей их постыдной перемене.
И к ним воскликнул громко Сатана,
Так громко, что откликнулись на возглас
Все стены мрачной Адской глубины:

«Воители, Князя, Державы, Власти,
Цвет Неба, прежде нашего, а ныне
Утраченного нами! Неужель
Так может поразить оцепененье
Бессмертных Духов? Или вы избрали
Здесь это место, чтобы отдохнуть
От трудной битвы, тем восстанавливая
Измученную доблесть? Потому ль
Вы здесь заснули, как в долинах Неба?
Иль, может быть, простершись ниц так грустно,
Вы поклялись боготворить Того,
Кто победил нас, Кто теперь взирает,
Как Херувим и Серафим в пучине,
Оружье и знамена бросив, ждут,
Чтоб разглядела быстрая погоня
От врат Небесных выгоду свою
И растоптала б вас, изнеможенных,
Иль копьями грохочущего грома

Вас пригвоздила б в озере ко дну?
Проснитесь же, иль вы навек погибли!»
Услышали они и, устыдясь,
Воспрянули и крыльями взмахнули;
Так часовой, уснувший на посту,
Разбужен тем, к кому он страх питает,
Невольно отряхается, вскочив.
Они, конечно, видели несчастье,
В котором находились они,
И боль мучений чувствовали ясно;
Но глас вождя бесчисленную рать
В единый миг призвал к повиненью.
Как в дни великих казней для Египта
Амрамов сын, поколебав над Нилом
Могучий жезл свой, тучи саранчи
Призвал, несомой ветром от востока,
И черною она повисла ночью
Над нечестивым царством фараона
И мраком весь покрыла нильский дол,
Так Ангелы бесчисленные злые
Под сводом Ада реют и витают;
Под ними же, над ними и вокруг
Огонь пылает. Наконец по знаку
Великого монарха своего,
Поднявшего копьё, чтоб указать им,
Куда направить путь, спускаясь плавно
Со всех сторон, становятся они
На твердый серный камень, наполняя
Равнину всю, — несметная толпа,
Какую даже север многолюдный
Не изливал от мерзлых чресл своих
На Рейн иль на Дунай, когда стремились
Их варварские рати, как потоп,
На знойный юг и разливались быстро
Чрез Гибралтар до Ливии песков.
Затем от всех полков, от каждой рати

Начальники к их общему вождю
Спешат скорей, — божественные лики,
Красы сверхчеловеческой, осанки
Великолепной, царственной: они
Когда-то в небе занимали троны,
Хотя навеки в летописях Неба
Изглажены с тех пор их имена,
Исключены они из книги жизни;
И, верно, даже меж сынами Евы
Они бы не нашли себе имен,
Когда б во время долгих, долгих странствий
По всей Земле, долготерпением Бога
К великим искушениям человека,
Подпав обману гнусному и лжи
С их стороны, племен людского рода
Большая часть не впала бы в разврат
Такой, что даже Бога позабыла,
Создателя, и превратила славу
Незримую, святую Божества
Во образы животные, украсив
Распутные религии свои
И роскошью, и златом; вместо Бога
Тут стали люди бесов почитать
И разные названья им давали
Язычники, чтя идолов своих.
По именам тем назови их, Муза,
Кто первый, кто из них последний встал
От сна на ложе пламенном по зову
Великого владыки; как они
По чину, по порядку подходили
Вдоль берега бесплодного, меж тем
Как прочая толпа вдали стояла.
Главнейшие меж ними были те,
Которые, уйдя из адской бездны,
Бродили по земле, ища добычи,
И ставили свои жилища дерзко

В соседстве близком Божеских жилищ,
Близ алтарей Его воздвигнув смело
Свои: они, как боги, были чтимы
Окрестными народами; не страшен
Им был и гром Еговы от Сиона,
Царящего меж Херувимов! Даже
Внутри Его святилищ воздвигали
Они порой свой жертвенник, — о мерзость!
Проклятыми делами оскверняли
Они Его святые торжества
И чистые обряды; свет небесный
Своим дерзали мраком унижать.
Из них Молох был первый — царь ужасный,
Который был пролитьем гнусным крови
Жертв страшных человеческих запятнан
И горькими родителей слезами,
Которые не слышали, увы,
Сквозь грохот барабанов и кимвалов
Стенаний их младенцев, в честь кумира
Свирепых сжигаемых. Он был
У Аммонитян чтим в равнине Раввы,
В Аргобе и Басане, до истоков
Арнона. Не довольствуясь, однако,
Таким соседством дерзким, соблазнил
Премудрое он сердце Соломона,
Который пышный храм ему воздвиг
Напротив храма Господа и этим
Навек соседний опозорил холм.
Ему и рощу посвятил он также
В долине восхитительной Еннома,
И рощу эту, образ Ада, звали
Тофетом или черною Геенной.
Вслед за Молохом шел бесстыдный Хамос,
Страшилище сынов Моава, чтимый
От Ароера вплоть до Нево, также
В пустыне Аворима, дальше к югу,

И в Езевоне, и в Оронаиме,
И в области Сиона, где лежит
Богатая вином долина Сивмы;
На озере асфальтовом он также
Был в Елеале почитаем. Он
Был тот, кого под именем Фегора
В Ситтима чтил Израиль соблазненный
В пути от Нила, на беду свою
Приняв его веселые обряды.
Распространились оргии его
Вплоть до холма позорного, до роши
Молоха кровожадного; разврат
С убийством рядом поселился. Долго
Царил он там, пока благочестивый
Иосия его не выгнал в Ад.
За ним шли духи, что от пограничной
Реки Евфрата древней до реки,
От Сирии Египет отделявшей,
Ваала или Астарета имя
Носили: если мужеского рода
Они считались — им Ваала имя
Давалось, если женского — тогда
Тем духам имя Астарет давали.
Ведь духи могут, если захотят,
Пол принимать любой иль оба вместе:
Субстанция их так нежна, эфирна,
Что членами не связана она;
Не бременит их тягостное мясо
На хрупком и тяжелом костяке;
По произволу принимая формы,
То расширяясь, то сжимаясь, светом
Окружены иль тьмой покрыты, могут
Эфирные намеренья свои
Они свершать — дела любви иль злобы.
По их вине израильский народ
Так часто забывал Живую Силу

Свою, ее святые алтари
Не посещал и низко поклонялся
Пред божествами скотскими, за что
И должен был склоняться столь же низко
В бою перед копьем врагов презренных.
И вот в союзе с этими врагами
Был Аштарет, которого Астартой
У финикийцев звали и царицей
Небес считали, наделив ее
Рогами полумесяца; девицы
Сидонские, собираясь по ночам
Перед ее блистательным кумиром
При лунном свете, пели песни ей
И приносили ей свои молитвы;
Ее в Сионе также воспевали:
Ей дерзко храм поставил на горе
Женолюбивый царь, чье сердце — правда,
Великое — в угоду сладким чарам
Прекрасных идолопоклонниц, впало
В служенье гнусным идолам. Затем
Таммуз явился, божество Ливана,
Прельщенные которым каждый год
В дни летние сирийские девицы
О тяжелой ране плакали его,
Любовно пели жалобные гимны,
И, так как от родной горы стремится
Река Адóнис к морю, в красный цвет
Окрашена, сложилось поверье,
Что каждый год Таммуза кровь течет.
Сиона дочери также заразились
Любовным пылом сказки древней той;
В своем видении в портике священном
Иезекииль безумства эти зрел,
Когда ему явились картины
Служенья мрачным идолам Иуды
Отступника. Затем явился тот,

Который счел себе обидой тяжкой,
Когда однажды в капище его
Кивотом, взятым в плен, звероподобный
Кумир его обезображен был:
Лишенный рук и головы, валялся
Он на пороге храма, посрамляя
Жрецов и восхвалителей своих.
То был Дагон, чудовище морское;
Имел он сверху человека вид,
А снизу — рыбы; он высоким храмом
В Азоте был почтен и чтим был всюду
По палестинским берегам — и в Гафе,
И в Аскалоне, также в Аккароне,
Равно и в Газе, до ее границ.
Затем пришел Риммон, чей трон веселый
В Дамаске живописном находился,
На плодоносных, славных берегах
Аваны и Фарфары, рек прозрачных.
Он также дерзко Божий Дом унизил:
Утратив прокаженного раба,
Царя своим поклонникам он сделал;
Ахаз его безумный был сподвижник:
Им соблазнен, низверг он Божий Храм
И капище сирийское на месте
Его воздвиг, чтоб жертвы нечестиво
Там сожигать и чествовать богов,
Которых сам он побеждал. За этим
Вослед явилась демонов толпа,
Чьи имена от древности глубокой
Известны: Гор, Изида, Озири́с
Со свитой их, чье волшебство и образ
Чудовищный в несчастье погрузили
Египет суеверный и жрецов,
Которые считали, что их боги
Скорей вселиться могут в вид животный,
Чем в образ человеческий. И даже

Израиль той заразы не избег,
Когда тельца воздвиг он близ Хорива
Из золота заемного. Тот грех
Еще удвоен был царем мятежным,
Который в Дане и Вифиле вздумал
Дать образ травоядного быка
Создателю предвечному, Иегове,
Который в ночь, когда он посетил
Египет, поразил одним ударом
Всех первенцев и всех богов блеющих.
И наконец, явился Велиал,
Который был всех хуже, всех распутней
Из Ангелов, отпавших от небес,
И не стыдился только для порока
Любить порок. Он храмов не имел,
И алтари ему не воскуряли;
Но кто вредил у алтарей и храмов
Ужаснее, чем он, когда жрецы
Безбожниками сами становились,
Как Илия сыны? Кто наполнял
Развратом и насилием Храм Божий?
Царит он также во дворцах, в палатах
И в пышных городах, где шум распутства
И всякое нечестье и порок
Восходят выше величайших башен;
Когда ж вдоль улиц ляжет мрак ночной,
Сыны и слуги Велиала бродят
По ним, полны нахальства и вина.
Пример тому — Содом и ночь разврата
В Гибее, где гостеприимный дом
Сам выставлял на жертву мать семейства,
Чтоб худшего насилья избежать.

Все эти были первые по силе
И по значенью; прочих было б долго
Перечислять, хоть слава их была

Обширна. Были между ними боги
Ионии, которым поклонялось
Иваново потомство (хоть моложе
Они считались, чем Земля и Небо,
Их славные родители), — Титан,
Перворожденный Неба, с необъятным
Своим потомством, первенства лишенный
Сатурном, младшим братом; а Сатурна
Лишил престола сын его и Реи,
Юпитер, как сильнейший; захватив
Престол, один стал царствовать Юпитер.
Сперва на Крите только и на Иде
Их знали; после выбрали они
Себе вершину снежную Олимпа
И правили в середине атмосферы,
Не поднимаясь выше в небесах.
Они царили и в ущелье Дельфов,
В Додоне и во всей земле дорийской;
Другие же с Сатурном-стариком
Оттоль за Адриатику бежали,
Чтоб в Гесперийских жить полях иль дальше —
У кельтов, вплоть до крайних островов.

Пришли они и многие другие,
Потупив грустно взоры; но в глазах
У них все ж искра радости мелькала:
В Вожде своем не видели они
Отчаянья, — потерю сознавая,
Не потеряли все ж самих себя.
Он это видел, и хоть тень сомненья
Слегка скользила на его лице,
Но, гордости привычной вновь набравшись,
Цветистой речью, более достойной
По внешности, чем сущностью своей,
Он постарался их испуг рассеять
И мужество искусно возбудить.

Затем поднять немедленно велел он
При звуках труб военных и рожков
Могучий стяг свой боевой; гордился
Высокой честью быть знаменосцем
Азазиил, высокий Херувим.
И вот с древка блистательного знамя
Он развернул; взвилось оно, сверкая,
Как метеор, по ветру развеваясь,
Богатое каменьев драгоценных
Обилием и золотым шитьем,
Изображавшим славу и трофеи
Бессмертных Серафимов; в это время
Металла звуки трубные гремели.
Все войско испустило громкий крик,
Торжественно потрясший своды Ада
И вне его заставивший дрожать
Все царство древней Ночи и Хаоса.
И в этот же момент сквозь адский мрак
Взвилось знамен блестящих десять тысяч,
Переливавших яркими цветами,
И вслед за ними вырос копий лес,
И шлемов тьмы несметные явились,
И стройно щит теснился ко щиту
В неизмеримом множестве. Фалангой
Сомкнувшись, идут они при звуках
Дорийского мотива флейт и нежных
Гобоев — дивной музыки, какая
Героев древних в битве вдохновляла,
Внушая им не бешеную ярость,
А доблесть лишь сознательную: смерть
Тогда была им не страшна, и бегства
Иль отступленья не было для них;
Была в ней сила также и к смягчению
Торжественной мелодией своей
Мятежных дум, тревог, печали, скорби
У смертных и бессмертных. Так, дыша

Единой силой, думою единой
Объяты, молча двигались они
При звуках флейт, смягчавших сладким пеньем
Им боль шагов по раскаленной почве.
И вот они все стали перед ним
Щетинистым и грозно длинным фронтом,
Как старые бойцы, блестя оружием,
В порядке строгом копий и щитов,
И ждут вождя могучего команды.
Испытанным он оком их обвел,
И рассмотрел всю массу мощной рати
И всех ее частей расположение,
Божественный их облик и осанку,
И наконец число их сосчитал,
И гордостью его взыграло сердце
И подкрепилось видом этих сил.
С тех пор как люди созданы, не видел
Никто еще таких огромных полчищ,
Которые, в сравненьи с этой ратью,
Не походили б на полки пигмеев,
Когда-то воевавших с журавлями,
Хотя бы вся гигантская толпа
Из Флегры, и герои Илиона
И Фив, и все союзные их боги
Соединились, и примкнули б к ним
Все те, которых сказки и романы
Об Утеровом сыне воспевают,
И с ними храбрых рыцарей Британских
И Арморийских славный круг, и все —
Неверные иль христиане, — в битвах
Турнирных знаменитые в Дамаске,
Иль в Аспрамонте, или в Монтальбане,
В Марокко, в Трапезунде, или те,
Которых войско выслала Бизерта
От африканских берегов, когда
Великий Карл и все его вельможи

При Фонтарабии разбиты были.
Вся эта рать, столь славная, сильней
И доблестней всех смертных без сравненья,
Смотрела все ж на грозного Вождя
Со страхом и почтеньем; он, всех выше
По облику и по осанке гордой,
Стоял подобно башне. Лик его
Еще не вовсе потерял сиянье
Природное свое; в нем виден был
Еще Архангел прежний, хоть отчасти
Его уж слава потемнела. Солнце
Так при восходе смотрит сквозь туман
На горизонте или при затмении,
Покрыто лунным диском, тускло светит
На половину лишь земного шара
И призраком зловещих перемен
Царей пугает. Так, хоть помраченный,
Архангел все же ярче всех сиял;
Лицо его, однако, сохраняло
Глубокие рубцы от страшных молний,
А щеки побледнели от забот;
Но под бровями с гордостью упорной,
С неукротимым мужеством и жаждой
Отмщения суровые глаза
Смотрели, хоть сквозили в них невольно
И угрызенья совести, и жалость
К собратьям — иль к спутникам, вернее,
По преступленью, — к тем, кого он видел
Иными в дни блаженства, осужденным
Теперь навек за это соучастье.
Мильоны духов по его вине
Отныне милость Неба потеряли,
Извергнуты за дерзостный мятеж
От вечного сиянья; хоть и твердо
Они держались верности ему,
Но слава их небесная померкла.

Так смотрят дубы гордые в лесах
Иль горные, в могучей силе сосны,
Когда огонь небес их опалит:
Хоть все еще высокие, с сожженной
Вершиною стоят стволы нагие
На почве обгорелой. Он дал знак,
Что будет речь держать; они же, сдвоив
Ряды свои, крыло к крылу, стеснились
И обступили близко полукругом
Его и всех вельмож его в безмолвном
Вниманьи. Трижды речь он начинал,
И трижды, несмотря на гнев надменный,
Вдруг вырывались слезы у него,
Какими могут Ангелы лишь плакать.
Но наконец, хоть вздохи прерывали
Слова его, они нашли свой путь.

«О вы, бессмертных Духов мириады!
Вы, Силы необорные, кого
Мог побороть один лишь Всемогущий!
Наш бой был не бесславен, хоть исход
Ужасен был, чему свидетель грустный
И место, где находимся мы ныне,
И страшная в самих вас перемена,
Которую мне больно и назвать!
Какая сила мысли предсказала б,
Предвидела б, могла бы опасаться,
Хотя б была углублена всем знаньем
В былом и настоящем, чтобы сила,
Увы, такого множества богов,
Стоявшая так крепко, как стояли
Вы все, могла бы быть побеждена?
Кто и теперь, и после пораженья,
Не верил бы, что эти легионы
Могучие, несметные, которых
Изгнание опустошило Небо,

Вновь не могли б восстать, подняться снова
И родиной своею овладеть?
Что до меня, то жители все Неба
Свидетели — обманывал ли я
Надежды их советом неудачным
Иль бегством пред опасностью? Но Тот,
Кто царствует один теперь на Небе,
На Троне безопасно восседал,
Поддержанный своею древней славой,
Согласием всеобщим иль привычкой;
Свое величье Он являл пред всеми,
Но силу всю Свою от нас скрывал;
И мы ее изведать попытались,
И это нам паденье принесло.
Теперь Его могущество мы знаем
И также знаем силу всю свою;
Теперь Его нам вызывать не нужно,
А если нас на новую войну
Он вызовет, не нужно нам бояться.
Итак, отныне лучшее для нас —
Намеренья свои хранить безмолвно
И достигать обманом иль коварством
Того, чего дать сила не могла.
Тогда в конце концов Он убедится,
Что тот, кто силой победил врага,
Лишь победил его наполовину.
Возможность есть, что новые миры
Пространство породит; об этом слухи
Не раз уже носились в небесах:
Молва гласила, что давно намерен
Он их создать и новый род созданий
Там поселить, которых будет Он
С особенным вниманием лелеять
И охранять их, как сынов Небес.
Туда, быть может, хоть из любопытства,
Придется сделать первый наш набег,

Иль, может быть, еще в иное место.
Ведь эта бездна адская не может
Небесных Духов вечно заключать
В плену, и эта тьма не может вечно
Висеть над нами здесь. Но эти мысли
Должны мы зрело обсудить. Исчез
Навеки мир; кто может о смиреньи
Здесь говорить? Итак война, война,
Открытая иль тайная, навеки!»

Так он сказал; и чтобы подтвердить
Слова его, сверкнули миллионы
Мечей огнистых, быстро извлеченных
От бедр могучих Херувимов. Блеск
Внезапно Ад весь озарил. Свирепо
Всевышнему они грозили; гордо
Мечами, крепко сжатыми в руке,
О звонкие щиты они стучали
И раздавался грозный шум войны,
Бросая вызов ввысь, до сводов Неба.
Неподалёку там была гора;
Ее вершина грозно изрыгала
Огонь и клубы дыма, а все скаты
Покрыты были коркою блестящей —
Знак верный, что скрывалась в той горе
Руда металлов, порожденье серы.
Туда спешит, от прочих отделясь,
Крылатая толпа, уподобляясь
Саперам, что с лопатой и киркой
Пред королевским войском поспешают
Прорыть траншеи в поле или валом
Весь лагерь обнести. Их вел Маммон,
Всех менее возвышенный из духов,
Которые отпали от Небес;
Еще когда он в небе жил, все долу
Склонял свои он взоры, восхищаясь

Богатствами небесной почвы, златом,
Ногами попираемым, охотней,
Чем радостью Божественных видений
И чем-либо высоким и святым.
Он был виной, что по его внушенью
Впервые люди стали раздирать
Земную грудь рукою нечестивой
И матери-земли святые недра
Преступно осквернили грабежом,
Ища сокровищ, коим лучше было б
Остаться там сокрытыми от нас.
Так и теперь ведомая им банда
Широкою раскрыла вскоре рану
В горе и жилы злата обнажила.
Пускай не удивляется никто,
Что Ад хранит богатства: эта почва
Всего благоприятней для того,
Чтоб в ней тот яд родился драгоценный.
Здесь видеть бы могли все те, кто гордо
Готовы смертных подвиги хвалить
И с восхищеньем говорить охотно
О Вавилоне и царях Мемфисских,
Как величайших памятников слава,
Вся сила, все искусство их творцов
Превзойдены легко и быстро были
Отверженными Ангелами: в час,
В единый час создать они успели,
Что люди бы едва ли в целый век
Работы неустанной сотворили
Трудами рук бесчисленных. Одни
Построили ряд келий по равнине,
Под каждую был проведен канал
Из озера, и в нем огонь тек жидкий;
Другие с удивительным искусством
Формировали грубую руду
По всем сортам, снимая пену шлаков;

СОДЕРЖАНИЕ

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Перевод Н. Холодковского

Книга первая	5
Книга вторая	38
Книга третья	81
Книга четвертая	111
Книга пятая	154
Книга шестая	191
Книга седьмая	227
Книга восьмая	252
Книга девятая	278
Книга десятая	325
Книга одиннадцатая	369
Книга двенадцатая	404
Примечания. <i>Н. Холодковский</i>	430

Мильтон Дж.

М 60 Потерянный рай : поэма / Джон Мильтон ; пер. с англ. Н. Холодковского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-07012-7

Джон Мильтон — один из величайших поэтов Англии, «титан по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености». Во всей мощи его поэтическое мастерство проявилось в созданной им поэме «Потерянный рай» (1663), белый стих которой как образец совершенства стоит рядом с белым стихом Шекспира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-5

Литературно-художественное издание

ДЖОН МИЛЬТОН
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 31.10.2017. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-15007-03-R